

УДК 821.161.1.09 (092)

Символико-эзотерическая интерпретация библейских образов в поэзии В. С. Соловьева

Л. Л. КВАЧАН

Книга Книг как великий кладезь мировой духовной культуры являлась основой многих философско-религиозных работ Соловьева: к символико-эзотерическому толкованию Библии, позволяющему раскрыть тайные глубинные смыслы ее образов и сюжетов, автор обращается в трудах «Чтения о Богочеловечестве» (1876–1881), «Россия и Вселенская Церковь» (1889), «Повесть об Антихристе» (1898) и других. А поскольку поэзия Соловьева всегда сосуществовала с его теоретическими концепциями, и будучи, как всякое творчество, иррациональным, даже выходило за рамки строгих логических схем, то не удивительно, что и в стихотворениях можно найти немало библейских аллюзий и реминисценций, образов-символов и мотивов, безусловно важных для понимания поэтического творчества и мировоззрения Соловьева.

Использование поэтом-философом в стихотворениях библейских образов и сюжетов было не просто иллюстративным поэтическим приемом, но, прежде всего, попыткой переосмыслить, постичь глубокий духовный смысл некоторых событий, знаковых в истории культуры взаимоотношений Бога и человека.

Нужно отметить, что Соловьев прекрасно знал древнееврейскую культуру и литературу. Еще в молодости прослушав курс лекций в Московской духовной академии, Соловьев и впоследствии много времени уделял изучению библейской истории, владел ивритом. «Он прочел всю Библию в оригинале и в конце жизни пытался сделать ее полный перевод» [1, с. 216], – отмечал племянник философа С.М. Соловьев в своих воспоминаниях.

О хорошем знании библейских текстов свидетельствует частое их использование и цитирование в письмах, статьях, философских работах, а также обращение к библейским мотивам в поэтическом творчестве. К некоторым стихотворениям Соловьев брал в качестве эпиграфов отрывки из Священного Писания: «Да не будут тебе бози иные, разве Мене» (Исх., 20, 3) – к стихотворению «Око вечности»; «И помни весь путь, которым вел тебя Превечный, Бог твой, по пустыне вот уже сорок лет» (Второз., 8, 2-4) – к стихотворению «На том же месте»; три эпиграфа – из Книги Бытия, Евангелия от Луки и Апокалипсиса – позволяют глубже раскрыть символический смысл стихотворения «Знамение».

Нередко обращается Соловьев к библейским образам, сюжетам, мотивам и как к предмету собственно поэтического творчества.

Один из наиболее известных ветхозаветных сюжетов о переселении Авраама в землю Ханаанскую (Быт., 12–13) используется в стихотворении «В землю обетованную» (1886). Это событие – ключевое для истории иудейского народа, поскольку с него начинается непрерывный диалог с Богом, кульминацией которого станет получение первого Завета – заключение добровольного союза человека с Творцом, основанного на справедливости. За покорность и верность Господь обещает Аврааму вознаграждение – землю обетованную и великое потомство, но для этого необходимо иметь мужество все привычное и дорогое оставить, и, беспрекословно повинаясь голосу свыше, направиться в неизвестное:

Покинь скорей родимые пределы,
И весь твой род, и дом отцов твоих,
И как стрелку его покорны стрелы –
Покорен будь глаголам уст моих.

Иди вперед, о прежнем не тоскуя,
Иди вперед, все прошлое забыв,
И все иди, – доколь не укажу я,
Куда ведет любви моей призыв... [2, с. 45]

Почти все стихотворение построено как монолог Бога, обращенный к Аврааму. Но, несмотря на многократное (более десяти раз) использование императивов «иди», «уйди», «поспешай», в словах Всевышнего не чувствуется приказа. Напротив, монолог пронизан сочувствием, поддержкой («Я навеки с тобой...») и особой любовью, жертвенной, новозаветной. Такой окраски данного сюжета нет в Ветхом Завете, где упор в словах Господа делается все же на вознаграждении за следование Божественному замыслу: «...и Я произведу от тебя великий народ, и благословлю тебя, и возвеличу имя твое, и будешь ты в благословение...» (Быт., 12, 2), «...ибо всю землю, которую ты видишь, тебе дам Я и потомству твоему навеки, и сделаю потомство твое, как песок земной...» (Быт., 13, 15-16).

Соловьев как глубоко верующий христианин переосмысливает ветхозаветное событие о призыве Авраама в свете новозаветной этики. С этой точки зрения, целью и смыслом начинающего движение станет появление Того, кто принесет спасение всем людям, то есть Иисуса Христа. И хотя имя Спасителя прямо не упоминается в стихотворении, но именно о Нем идет речь в последних строках:

Се, я клялся собой,
Обещал я, любя,
Что воздвигну всемирный мой дом из тебя,
Что прославят тебя все земные края,
Что из рода потомков твоих
Выйдет мир и спасенье народов земных. [2, с. 45]

У этого стихотворения, как и у всего поэтического творчества Соловьева, есть еще один – эзотерический план. Судьба Авраама, который, повинаясь высшей воле, все оставляет и идет на поиски земли обетованной, символизирует трагедию и одновременно великое предназначение человеческой души, покинувшей небесную родину ради того, чтобы, пройдя нелегкий земной путь, достичь еще неведомых духовных высот. Данный метафизический план стихотворения наиболее явно раскрывают следующие поэтические детали: Авраам забыл прошлое (душа не помнит того, что было с нею до воплощения на земле), оставил родину «не на год лишь один, не на много годин, а на вечные веки» (долгая нелегкая земная жизнь кажется душе вечностью), и «по пути воскреснувших лучей пустился в даль туманно-голубую» (трансцендентное путешествие души). Наконец, библейский образ-символ земли обетованной, вынесенный в заглавие стихотворения, воплощает божественную награду душе за земные скитания во имя спасения целых народов – победу Добра, торжество небесной гармонии на земле и возвращение просветленной души к своему Создателю. Несомненно, именно эта зашифрованная духовная реальность первостепенна для поэта-мистика.

Название и центральное событие другого стихотворения «Неопалимая купина» (1891) отсылает к не менее известному ветхозаветному сюжету – явлению Господа Моисею в горящем и несгорающем терновом кусте, из которого был слышен глас Божий (Исх., 3, 1-4). На этот раз стихотворение построено на монологе самого свидетеля Божественного откровения – Моисея:

Я раб греха. Но силой новой
Вчера весь дух во мне разыграл,
А предо мною куст терновый
В огне горел и не сгорал [2, с. 61].

Однако образ неопалимой купины – не просто опозитизированный библейский мотив, это еще и важный христианский символ. В богословской традиции он интерпретируется как аллегория Богородицы. А учение философа-поэта о Софии и его трепетное преклонение пред образом Пресвятой Девы, позволяет рассматривать соловьевский символ неопалимой купины как воплощение Божественной Красоты Вечной Женственности, преображающей материю небесным неопаливающим огнем.

Подобную символическую нагрузку несет и образ «саронских пышных роз», встречающийся в стихотворении «От пламени страстей, нечистых и жестоких» (1884). Сарон – плодородная равнина у побережья Средиземного моря, а цветы Сарона не раз упоминаются в Библии. Правда, в христианской традиции эти цветы не стали непосредственно символом Божией Матери, но в древних гностических текстах, которые тщательно изучал Соловьев во время своего пребывания в Лондоне, именно розы и лилии считались важным мистическим атрибутом Вечной Женственности. Потому и библейский образ саронских роз получает у Соловьева символическую нагрузку, напоминая о немеркнущей нетленной красоте Пресвятой Девы:

И не колеблются Сионские твердыни,
Саронских роз не меркнет красота.
И над водой, в таинственной долине,
Святая лилия нетленна и чиста. [2, с. 40]

Не случайно и упоминание в стихотворении Сиона – священной горы в Иерусалиме, которая в ветхозаветные времена, согласно Библии, являлась крепостью иевусеев, и, захваченная царем Давидом, была переименована в «Город Давидов» (2 Цар., 5, 6–7). Но не столь важна историческая судьба этого места, сколько то, что в священном писании Сион именуется Горою Святою, домом Божиим. Это – опоэтизированный библейский образ, нередко встречающийся в пророчествах и псалмах и символизирующий царство Божие во всей его мощи и полноте, небесное жилище Бога-отца, откуда он явится во всей Своей славе в конце времен: «С Сиона, который есть верх красоты, является Бог, грядет Бог наш...» (Пс., 49, 2–3).

Но, используя образ сионских твердынь, символизирующий некую трансцендентальную константу и одновременно незыблемую Божественную силу, проявленную в мире земном, Соловьев не только отсылает к богатому библейскому контексту. В сочетании образов «твердынь Сиона» и «Саронских роз и лилий» зашифровано теософско-мистическое знание поэта о Софии и о полноте Высшего Бытия – вечной гармонии мужского и женского Божественных начал, лежащих в основе всего теокосмического процесса.

Поскольку в Библии нет явных сведений о Софии, Соловьев пытается вскрыть эзотерические пласты иудейских текстов, порой привлекая каббалистические сведения. Так в третьей части своего труда «Россия и Вселенская Церковь» он стремится доказать существование сведений о Премудрости Божией, Душе Мира, в канонических ветхозаветных текстах, ссылаясь, прежде всего, на высоко-поэтические слова из «Притчей Соломоновых»: «Господь имел меня началом пути Своего, прежде созданий своих, искони; от века я помазана, от начала, прежде бытия земли. Я родилась, когда еще не существовали бездны, когда еще не было источников, обильных водою... Когда Он уготовлял небеса, я была там. Когда Он проводил круговую черту по лицу бездны, <...> когда полагал основания земли: тогда я была при нем художницею, и была радостью всякий день...» (Притч., 8, 22–30).

С этой же библейской книгой перекликается стихотворение «У царицы моей есть высокий дворец...» (1876), которое в символико-поэтической форме кодирует знания о Софии. Наряду с довольно распространенными образами-символами цветущих в саду роз и лилий (гностиической атрибутикой Вечной Женственности), здесь появляются и парафразы из «Притчей»:

У царицы моей есть высокий дворец,
О семи он столбах золотых,
У царицы моей семигранный венец,
В нем без счету камней дорогих [2, с. 18].

Прямое использование в стихотворении метафор из текста Библии очевидно: в «Притчах» находим – «Премудрость выстроила себе дом, вытесала семь столбов его...» (Притч., 9, 1), Она «возложит на голову твою прекрасный венок, доставит тебе великолепный венец» (Притч., 4, 9).

Соловьев явно подчеркивает царственность в облике Софии, тем самым определяя ее

особую Божественную природу, духовную власть над миром материи. Она – Царица, но царство Ее «не от мира сего», и дворец (а не дом, как в притчах) на золотых столбах, и семигранный (в другом месте стихотворения – алмазный) венец – это символические детали, передающие величественное сияние идеальной софийной реальности, сравнимой в земном мире только с царской роскошью. Но «дорогие камни» Премудрости – это не материальные ценности, а свет трансцендентной красоты, и одновременно бесценные знания, хранящие проблески Божественной Истины, образ, связанный и с легендами об известном философском камне, дарующем вечную жизнь. Те же идеи передаются и в «Притчах»: «Приимите учение мое, а не серебро, лучше знание, нежели отборное золото; потому что мудрость лучше жемчуга, и ничто из желаемого не сравнится с нею» (Притч., 8, 10–11) или «Не поможет богатство в день гнева, правда же спасет от смерти» (Притч., 11, 4).

Но поскольку символы всегда подразумевают множество вариантов интерпретации, дворец Софии можно рассматривать и как Храм – проявление Премудрости Божией в земной реальности. Тогда семь золотых столпов – это семь таинств, лежащих в основе учения и богослужений Православной Церкви, которой Соловьев отводил важную роль в процессе всемирного духовного преображения и основания Вселенской Религии. Но скорее речь идет не о ныне существующей, а о будущей Церкви, в которой, верил Соловьев, будут гармонично соединены различные вероучения, ибо истинная вселенская религия – это «реальный и свободный синтез всех религий, который не отнимает у них ничего положительного и дает им еще то, чего они не имеют» [3, с. 344]. Тогда семь столпов – все мировые религии, объединенные Премудростью, а Ее Дворец – символ «реального воплощения Софии – вселенской религии» [3, с. 358].

Таким образом, сведения о Софии в стихотворениях Соловьева чаще скрыты, закодированы: при попытке передать эзотерическое знание поэт прибегает к библейским символам, наполняя их мистическим значением, или даже к опосредованным ссылкам, аллюзиям, парафразам.

Стихотворение «В стране морозных вьюг, среди седых туманов...» (1882) – это поэтическое переложение известного библейского сюжета о явлении Бога пророку Илие на горе Хорив (3 Цар., 19, 11–12). Знаменательно, что на этой же горе Божией ранее произошло и видение Моисея, но теперь могущественный иудейский Бог открывается человеку не в «раздирающем горы и сокрушающем скалы» ветре, не в грохоте землетрясений, не в устрашающем пламени, к чему привык ветхозаветный человек, а в совсем новом своем качестве – как «глас хлада тонка» (по выражению церковнославянской Библии):

Вот грохот под землей и гул прошел далеко,
И меркнет солнца свет,
И дрогнула земля, и страх объял пророка,
Но в страхе Бога нет.

... И смолкло все, укрошено смятенье,
Пророк недаром ждал:
Вот веет тонкий хлад, и в тайном дуновенье
Он Бога угадал [2, с. 33].

Итак, Бог приходит не к объятой страхом и трепетом душе, чувствующей свою ничтожную малость по сравнению с непостижимым величественным Создателем – Бог приходит к человеку в тишине и душевном успокоении как к равному собеседнику. Именно это место в Ветхом Завете богословская традиция рассматривает как начало эволюции образа Бога – от грозного Иеговы в сторону новозаветных представлений. Соловьев не отступает от подобного понимания, и мотив «тайного дуновения», «тонкого хлада» становится символом нового уровня восприятия Бога – духовной чуткости, позволяющей постичь небесное откровение в более тонких формах, подготавливающей душу к приближению великой тайны Боговоплощения.

В рассмотренных выше стихотворениях («В землю обетованную», «Неопалимая купи-

на», «В стране морозных вьюг, среди седых туманов...») использованы известные ветхозаветные сюжеты из жизни праотцев Авраама и Моисея и пророка Илии. Несмотря на определенные различия, все три сюжета объединены главным действующим лицом – самим Богом, открывающимся человеку в различных ипостасях. По словам Соловьева, «весь Ветхий Завет представляет историю личных отношений являющегося Бога (Логоса или Иеговы) с представителями иудейского народа – его патриархами, вождями и пророками» [4, с. 217]. В развитии этих отношений Соловьев в «Чтениях о Богочеловечестве» прослеживает определенную эволюцию – «последовательность трех ступеней», трех этапов развития: осознание веры в единого личного Бога (Авраам), действенное воплощение веры и высшего откровения в жизнь (Моисей), предчувствие и возведение прихода Мессии (Илия и другие пророки). Каждый из этапов этой эволюции нашел отражение и в поэтическом творчестве философа – в трех вышеназванных стихотворениях, написанных в разное время, но составляющих определенное тематическое единство.

Осмысление Соловьевым проблемы взаимоотношений Бога и человека вполне закономерно: для поэта-философа мистически притягательной оставалась тайна откровения, возможности общения с Богом, с миром тонким, духовным сквозь «грубую кору вещества» земной материи. Сохранилось немало воспоминаний самого Соловьева и его друзей о видениях, посещавших философа на протяжении всей его жизни.

Наиболее прекрасные и важные из них – встречи с миром Божественным, с самой Вечной Женственностью описаны в известной поэме «Три свидания». Учитывая этот факт, становится понятным, почему в поэзии Соловьева так много внимания уделяется описанию Софии. Ведь встречи с Ней были для поэта-мистика, по его собственному признанию, не менее реальными и куда более значимыми, чем земное существование, но поведать «обманчивому миру» великую тайну этих мистических прозрений поэт мог только в многозначных образах-символах, в зашифрованной форме:

Не веруя обманчивому миру,
Под грубою корою вещества
Я осязал нетленную порфиру
И узнавал сиянье Божества... [2, с. 168]

Возможно, в опыте общения ветхозаветных праотцев и пророков с Богом Соловьев чувствовал нечто духовно близкое для себя: и великую радость Божественного откровения, и трепетное преклонение пред горним миром, и одновременно – осознание несовершенства земного бытия, обреченность на непонимание и злое осуждение со стороны других людей, которые никогда не видели небесной красоты, а потому не способны понять провидца. Интересно, что даже во внешнем облике Соловьева, в силе отстаиваемых им убеждений и некой отрешенности от земного существования современники нередко видели черты пророка, «в наружности его было что-то величавое, библейское, он напоминал Моисея» [1, с. 226]. Правда, сам Соловьев весьма скептически оценивал подобное к себе отношение:

Я в пророки возведен врагами,
На смех это дали мне прозвание... [2, с. 102]

Исследование Евангельских реминисценций в поэтическом творчестве Соловьева доказывает то, что существует некоторый приоритет использования ветхозаветных сюжетов, образов и мотивов по сравнению с новозаветными. Но это только на внешнем содержательном уровне. Как уже не раз отмечалось, вся поэзия Соловьева проникнута духом высокой христианской этики, о чем бы ни писал поэт-философ.

Требует особого рассмотрения пласт апокалиптической символики, поскольку тема конца мира как процесса умирания (очищающих страданий) и воскресения (светлой трансформации) на глобальном уровне всего земного бытия волновала Соловьева.

Отдельные элементы апокалиптической символики встречаются уже в его ранней поэзии. Пример – стихотворение «VIS EJUS INTEGRA» («Сила пребудет нераздельной...», 1876), которое условно можно разделить на две части. В первой – поэт упоминает

отдельных персонажей античной мифологии: муз и харит, царицу Китеры, древнего Кроноса, через образы которых символически воссоздается состояние непросветленного земного бытия. На контрасте с первой во второй части предстает картина грандиозного перерождения мира, глубоко символическая, читаемая только через мистико-апокалиптические образы. «Сокрытое пламя», прорывающееся наружу и охватывающее землю пожаром, – сродни символу огня из Откровения Иоанна: «И ниспал огонь с неба и пожрал их...» (Откр., 20, 9), «И смерть и ад повержены в озеро огненное. Это – смерть вторая» (Откр., 20, 14). В символической интерпретации пламя – это метафизическая Божественная сила, преображающая землю; это не деструктивная стихия, но духовный огонь, просветляющий материю. Встреча Души Мира со своим Творцом, человечества с Богом, восстановление связи «неба с землей», матери с Духом, семантически связанное с евангельским образом «нового неба и новой земли» (Откр., 21, 1), у Соловьева описывается через емкий образ-символ «золотой цепи», звенья которой вновь сомкнутся, возвратив утраченное единство.

Рано иль поздно пробьется наружу сокрытое пламя,
Молнией вспыхнет и землю широким охватит пожаром.

<...>

Все то в одну непреклонную силу сольется,

волшебным

Мощным потоком все думы людские обнимет,

Цепь золотую сомкнет и небо с землей сочетает. [2, с. 23]

Начало этого великого движения к преображению всего мира, согласно концепции Соловьева, уже было положено: «Воплощение божественного Логоса в лице Иисуса Христа, есть явление нового духовного человека, второго Адама», который «не есть только это индивидуальное существо, но вместе с тем и универсальное, обнимающее собою все возрожденное человечество» [4, с. 218].

В системе Соловьева Христос становится первым Богочеловеком, которому удалось идеально сочетать в себе два начала – духовное и материальное – не просто подчинив второе первому, но просветлив телесное бытие. Побеждая зло, разложение и смерть, Христос проходит весь земной путь, открывая направление эволюции всему человечеству; Его пример совершенного «должного отношения между Божеством и природой» [4, с. 228] и уникальный опыт воскресения – начало богочеловеческого процесса.

Учение философа о Христе воплотилось в ряде поэтических произведений, большая часть которых довольно прозрачна по своему смысловому наполнению: используемые символы традиционны и немногочисленны. Это можно объяснить тем, что для поэта намного важнее донести смысл и суть важного события Боговоплощения по возможности до каждого читателя, а не закодировать знание, оставляя ключи истины лишь для избранных, как в случае с мистической Софией.

В стихотворении «Ночь на Рождество» явление Бога среди людей как значимое метафизическое явление описывается через легко воспринимаемые символические образы: «к земле небо преклонилось», «распахнулся вечности чертог», «глагол истины звучит», «родился в мире свет» и т.д. В стихотворении «Воскресшему» радостное событие перерождения мира, победы жизни над смертью символизируется в образах весны, блеска солнечных лучей.

В некоторых произведениях поэт отказывается от символизации и прибегает к прямому высказыванию богословских идей, просто оформляя их возвышенным поэтическим слогом:

Да! С нами Бог, – не там, в шатре лазурном,
Не за пределами бесчисленных миров,
Не в злом огне и не в дыханье бурном,
И не в уснувшей памяти веков.

Он здесь, *теперь*, – средь суеты случайной,
В потоке мутном жизненных тревог

Владеешь ты всерадостною тайной:
Бессильно зло; мы вечны; с нами Бог! [2, с. 93]

В последние годы жизни Соловьева в его творчестве вновь актуализируются апокалиптические образы, поскольку поэт предчувствовал приближение скорой смерти и воспринимал ее как микроапокалипсис собственной души: предстояло пройти через горнило сомнений и страданий, через сложный процесс болезненного умирания, чтобы возвратиться на свою небесную родину к вечной жизни.

В это время создается философское произведение «Три Разговора» (1898–1900), заканчивающиеся «Повестью об Антихристе», в которых, по утверждению самого Соловьева, описываются формы «крайнего проявления зла в истории, его краткого торжества и решительного падения» [1, с. 365]. Обостряются пессимистические настроения философа в его оценке сложившейся мировой ситуации, все более нарастает экзистенциальное ощущение бытия. В поэзии это гнетущее настроение передается символикой беспросветной темной ночи и приближающейся грозы («Непроглядная темень кругом...», 1890).

Но, изменив свое отношение к реальности, Соловьев не отказывается от созданного им учения, основа которого – непреложная вера в необходимость борьбы со злом и возможность конечного торжества Божественной истины на земле. В стихотворении «Дракон» (1900), написанном за месяц до смерти, поэт выводит образ Богочеловека – последователя Христа, духовного борца с драконом, апокалиптическим символом антихриста, низверженного с небес Сатаны. Тревожные предчувствия умирания мира и противоречивые настроения поэта здесь воплощаются в образе священной войны, в которой побеждает носитель «Христового огня», поднимающий не меч, а крест. В мистическом плане дракон символизирует саму смерть, в схватку с которой вынужден вступить каждый человек, вооружившись лишь крестом – личной верой в мир Вечности, наполненный Любовью, в победу Христа над законами земного бытия и в возможность собственного воскресения:

Полно любовью Божье лоно.
Оно зовет нас всех равно...
Но перед пастию дракона
Ты понял: крест и меч – одно. [2, с. 188]

Спустя две недели поэт пишет свое последнее стихотворение, в котором ключевым символом становятся «стройно-воздушные белые ангелы», отсылающие к образу Ангелов смерти из Откровения. На формальном уровне данное произведение интересно использованием двустопного дактиля – совсем нехарактерного для Соловьева размера, благодаря чему создается ощущение нервного обрывочного стиха, подобного учащенному биению «больного сердца». На содержательном уровне можно отметить элементы поэтики сна-откровения: «здесь вы нездепные, верные сны», – замечает поэт, для которого все более реальным становится трансцендентное бытие. Грани между мирами размываются, и потому мысль лирического героя фрагментарна, непоследовательна (каждая новая строфа представляет один или несколько новых образов, которые между собой связаны лишь условно), образы туманны, загадочны и символичны. Земная реальность уже тяготит своими «тяжкими, душными, грозными, летними днями», и сознание, соскальзывая в инобытие, фиксирует знаковые символические образы: долгожданный восход солнца (перерождение), омытый кровью страданий, и присутствие ангелов – метафизических сущностей, сопровождающих переход, которых лирический герой уже начинает непосредственно воспринимать:

Зло позабытое
Тонет в крови, –
Всходит омытое
Солнце любви.

Замыслы смелые
В сердце больном, –

Ангелы белые
Встали кругом... [2, с. 189]

Итак, в поэтическом творчестве Соловьева прослеживается использование отдельных библейских образов и сюжетов, как из Ветхого, так и из Нового Заветов, отбор и интерпретация которых были обусловлены не общепринятой традицией, но сложным метафизическим учением философа. Стремясь к уникальному синтезу различных мировоззренческих систем, включая мистико-эзотерические, Соловьев создал свою картину мира, в которой не утрачивались и не обесценивались, но приобретали новое значение и звучание многие достижения человеческого духа и, прежде всего, – Библия.

Abstract. The paper analyses the use of biblical images and plots in V.C.Soloviyev's poetry. The specific symbolical interpretation of Bible according to Soloviyov's philosophical works and his metaphysical system based on the complex synthesis of different religious, mystical and esoteric ideas is investigated in the paper.

Литература

1. Соловьев, С.М. Владимир Соловьев: Жизнь и творческая эволюция / С.М.Соловьев. – М., 1997.
2. Соловьев, В.С. Избранное / В.С.Соловьев. – СПб., 1998.
3. Соловьев, В.С. Россия и Вселенская Церковь // Чтения о Богочеловечестве / В.С.Соловьев – СПб., 2000.
4. Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве // Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве / В.С.Соловьев – СПб., 2000.

Белорусский государственный университет

Поступило 15.10.07